

ЗАГОН

Отпустите меня, охотники!..

Мы поймали его под вечер...

Это был матерый волчище, лет шести-восьми; что соответствовало возрасту крепкого тридцатилетнего мужчины.

Сильный и приспособленный к неустойчивому долгому бегу. Грудь у него была широкая и мощная. В холке он был не меньше метра в высоту. Но при его вытянутом теле казался поджарым и легким. Только шерсть на гачах торчала клочками пакли, почему-то навеяла мысли о бездомности и нищете...

В пасть волку — пока еще все тело его, кроме головы, было стянуто крепкой капроновой сетью — как необъезженному коню узду, завели и закрепили веревкой за головой короткую — толщиной с детскую ручонку — круглую, оструганную ножом, палку. Сначала он пытался сжать челюсти, вонзая в недавно лишенную коры, палку свои острые, влажно-белые зубы. Но очень скоро присмирел. То ли онемели мышцы, то ли понял — эта палочка ему не по зубам, и только язык иногда судорожно дёргался, то исчезая за палкой, пытаясь вытолкнуть ее из пасти, то снова вытягивался красным лоскутом под ней. Потом, как бы тяжелая волна прошла по телу волка, его связанные попарно лапы (сначала задние) подогнулись к животу и резко распрямились. Волк издал звук похожий на икоту и его вырвало. Он шевельнулся, шумно втянул носом воздух и отвел морду с палкой немного в сторону, слегка прогнув к спине свою мощную шею.

Теперь он лежал очень тихо, с прижатыми к лобастой голове ушами. Слюна больше не стекала по его клыкам; может быть он привык к своей "узде", а может быть ему было страшно.

Он лежал теперь, как будто отдыхая, с втянутым опавшим животом. Но несмотря на его вытянутость, даже хвост не был плотно прижат, казалось, стал сразу же плосче и меньше себя самого, того, который пытался с глухим рычанием освободиться от сетки, разорвать ее: спиной, зубами, лапами. И когда он напрягался, сетка вдавливалась в его шерсть, деля ее на равные квадраты.

Волк теперь казался мертвым.

Жили только его глаза. Они очень внимательно, строго и неотрывно, как бы втягивая в себя пространство, которое охватывал взор, следили за всем. Было такое ощущение, что волк, подобно маленькому шару, закатился в угол и из этого угла, невидимый никем — и не достигаемый для шаров большего диаметра — внимательно изучает обстановку, пытаясь точно оценить ее, и свое

место в ней.

Собаки успокоились. Угасла, спала ярость. Теперь, они обращали внимание на волка не больше, чем на колодину, лежащую у ног.

Но, волк — не колодина. Несмотря на его смирение чувствовалось, что он не сломлен, не покорен. И его непокорность, его ум и хитрость и сила вызывали уважение к зверю. И — даже гордость за него. За этот дух непримиримости и воли.

От-пус ти-те меня, охотники,
в лес, пусть раненым — но живым.
Разъедает глаза и легкие
мне костров ваших горький дым.

Это был мате-ео-рый волчище.

И, как я говорил уже, тяжелый. Только в начинающихся сумерках — попеременно — мы дотащили его, всю дорогу раскачивающегося, на вставленной между его связанных ног жердине, которая тупо и болезненно вдавливалась в плечо, до зимовья.

Теперь он лежал, на влажно поблескивающей от вечерней сырости, пожухшей траве: недалеко от костра, на неровной границе меж Тьмою и Светом.

Его чистая, мягко-упругая шерсть, казавшаяся в сумеркам черной как будто бы лоснилась от влаги и лунного света...

Собаки тоже расположились недалеко от костра, но с другой стороны его — поближе к людям, в красноватом теплом круге света.

Мне вспомнился навсегда ушедший куда-то сегодняшний полдень, в котором ничего уже назад прокрутить невозможно.

Я снова увидел, как волк, спокойно, поражая легкостью движений, уходил, наискось и вверх по косогору, от собак, быстро увеличивая расстояние между собой и сворой, бестолково и разноголосо катящейся за ним. Волк как бы стлался по земле и легко распарываемый им воздух приглаживал, струил волнами его шерсть на спине и боках.

Собаки, повизгивая, захлебываясь лаем, силились настичь его. Видно было, что некоторые уже бежали на пределе своих сил. Другие, создающие в основном шумовой эффект, старались показать всем своим видом, что быстрее бежать они просто не могут.

Шага на два впереди всех — угрюмо, молча, неуклюже, но сильно (так, что земля отлетала ошметьями) толкаясь лапами — бежал кобель по кличке Цезарь. За ним, почти уткнувшись носом в кончик его откинутого хвоста, бежала сучка Люська. Эта изящная, миниатюрная — из породы карело-финских лаек — рыжая собачонка была названа таким именем в честь буфетчицы, работающей

при поселковом аэродроме, которая изяществом и, уж тем более, миниатюрностью никак не отличалась, но которая с изящным презрением и завидной простотой, как будто ей, а не государству принадлежала монополия на производство и продажу спиртного, обменивала его, по ведомому и устанавливаемому только ей курсу, охотникам выходящим из тайги, в том числе — и, особенно им — представителям местных народов; орочам, эвенкам, тунгусам, бутылки со спиртом и водкой на шкурки; соболей, куниц и прочую мягкую рухлядь не уничтоженную до конца там, куда не добрался еще "первопроходец" — "царь природы" со своим извечным спутником техническим прогрессом.

Основной разномастный шар загона катился позади них.

В какой-то момент гона волк будто бы перед стеной остановился. И, уже затихающий *по* мере удаления, шум загона снова усилился громким, многоголосым, злым лаем, который до этого — видимо по мере отставания от волка, а может и потери его из виду — уже раздавался безнадежными, растерянными, одиночными голосами собак.

Судя по всему, волк повернул почти назад, как бы подождав отставших от него собак, начав с ними новую гонку. По истеричному все нарастающему многоголосью лая было понятно, что собаки сблизилась с волком. Шум гона начал быстро нарастать...

Мне было непонятно почему волк (который может развивать скорость до 60 километров в час и способен делать переходы до 80 километров за ночь не меняя аллюра, без тени усталости) так легко уходивший от погони, вдруг, изменив направление своего бега, и, почти выйдя на собак, дал затравить себя...

Намаявшись за день в погоне за волком, единым махом проглотив приготовленную им пищу, собаки теперь самодовольно и сыто жмурились на огонь. Иные тут же заснули, положив на лапы головы или свернувшись пушистым шаром. Иногда какая-нибудь из собак вздрагивала и жалобно скулила во сне.

Небольшая, вертлявая, с прилизанной шерстью, и от этого похожая на крысу, сучонка встала, упруго потянулась на лапах, прогнув дугой спину, зевнула с повизгом, блеснув на мгновение клыками, и направилась к волку. Но, не дойдя двух-трех шагов, остановилась, завертела мордой, как будто бы вдохнув нашатыря, вытянула шею в направлении к нему и шумно втянула носом воздух; заурчала и вздыбила шерсть на загривке. Потом отвернулась от волка, лениво вернулась к костру, лапаясь к людям, поскуливая.

Через минуту сучонку сменил мощный Цезарь. Голова у него была большая круглая и тяжелая, с "чугунным черепом". Это был крупный беспородный, а, вернее, разнопородный кобель.

Он был весь измят и изодран в схватках с различным зверьем и в свирепых драках с кобелями деревенскими, такими же драчливыми как он.

Левый глаз у него плохо видел и всегда гноился, и в этом гное копошилась